

Е. Л. Калинина

**Символическое и конкретное в природных образах рассказов
В. П. Астафьева**

Данная статья посвящена филологическому анализу природных образов в идиостиле В. П. Астафьева. На материале рассказов «Осенние грусти и радости», «Далекая и близкая сказка» при помощи приемов лексико-стилистического и семантико-полевого анализа интерпретируются особенности воплощения конкретного и символического в пейзажных зарисовках.

Ключевые слова: диалектизм, лексема, лексико-семантический анализ, семантико-поле-вой анализ, семантика, стилистическая окраска, художественный образ, идея произведения.

Elena L. Kalinina

**Lexical and stylistic features of V. P. Astafieva "A Distant
and Close Fairy Tale"**

This article is devoted to the analysis of natural images in V. P. Astafieva. On the material of the stories "Autumn sadness and joys", "A distant and close fairy tale" with the help of methods of lexical-stylistic and semantic-field analysis, the features of the embodiment of the concrete and symbolic in landscape sketches are interpreted.

Key words: dialectism, lexeme, lexical-semantic analysis, semantic-field analysis, semantics, stylistic coloring, artistic image, idea of the work.

Виктор Петрович Астафьев вошел в литературу XX столетия как автор, поднимавший многие проблемы действительности: духовные, нравственные, социальные, исторические, экологические. Астафьеведение сегодня активно развивающееся направление, которое объединяет различные аспекты исследований [3], в том числе работы, посвященные языку писателя. Данная статья посвящена анализу природных образов в авторском идеостиле. В ранних работах автора тема природы еще не звучит в особом, экологическом аспекте, как, например, в произведении «Царь-рыба», здесь природные мотивы тесно сливаются с повествованием, композицией, сюжетом. Для рассмотрения особенностей раскрытия указанной темы нами была проанализирована лексика

поля «Природа» на материале двух рассказов В. П. Астафьева: «Далекая и близкая сказка», «Осенние грусти и радости».

Первый рассказ – «Далекая и близкая сказка» служит неизменным началом автобиографического цикла «Последний поклон», который сам автор называл повестью, а в последних изданиях – повестью в рассказах [17, с. 160–161]. К созданию цикла В. П. Астафьева подтолкнула журналистская деятельность. В 1966 году состоялась его командировка в родные места по заданию журнала «Смена». Юрий Ростовцев в своей книге «Виктор Астафьев» приводит слова писателя о том периоде: «Я жил в родной деревне, смотрел на своих односельчан, занятых земельным и рабочим повседневным делом, и думал: «Ну, хорошо. Все герои, и все героическими делами обуяны, а кто же тогда их-то, моих родных гробовозов (такое неблагозвучное прозвище у моего родного села Овсянка), отразит и расскажет о их вечной жизни и о труде, которым земля и все на земле держится?» <...> Словом, думал я думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне, стараясь не особо-то унижать и не до небес возвышать их словом» [9, с. 13–14]. В результате поездки увидел свет отдельный рассказ «Осенние грусти и радости», зародилась идея цикла произведений. Работа над «Последним поклоном» длилась около трех десятилетий – сборник дополнялся новыми произведениями, менялась композиция, и в 1994 году автор сопроводил издание такими словами: «И вот впервые моя самая «толстая» и самая заветная книга издается полностью, уходит «мое дите» под названием «Последний поклон» в люди, уплывает мой давний корабль в людское море» [1, с. 5].

Важное место в рассказах цикла «Последний поклон» занимают образы природы. Проанализируем их композиционную роль и стилистические особенности с помощью методов лексико-стилистического, а также семантико-полевого анализа. Сопоставление рассказов дает возможность проследить воплощение конкретно-реалистического и символического начал в ткани произведений.

В рассказе «Осенние грусти и радости» природные зарисовки носят конкретно-реалистический характер, помогают воссоздать картины сельской жизни. Произведение композиционно выстраивается вокруг одного из видов традиционной крестьянской «помочи» – заготовки капусты осенью. Эта огородная работа завершает обычно уборочные работы в целом и ее сопровождает общественная помощь семьям в квашении капусты. В тексте рассказа находим подтверждение: «На исходе осени, когда голы уже леса, а горы по ту и другую сторону Енисея кажутся выше, громадней, и сам Енисей, в сентябре

еще высветлившийся до донного камешника, со дна же возьмется сонною водой, и по пустым огородам проступит изморозь, в нашем селе наступает короткая, но бурная пора, пора рубки капусты <...> Картошка на огородах выкопана, обсушена и ссыпана на еду в подполье, на семена и продажу – в подвал <...> Одна капуста на огороде осталась, развалила по грядкам зеленую свою одежду».

Данное описание выступает в рассказе в качестве вступления. Лексемы «леса», «горы», «Енисей», «огороды», с одной стороны, задают пространственные координаты: перед читателем предстает далекий сибирский поселок на берегу реки. С другой стороны, проступает лейтмотив осенней грусти, увядания, природного сна, что на лексическом уровне поддерживается цветовыми и пространственными признаками: «леса голы», «Енисей высветлился», «вода сонная», «горы выше и громадней».

Осенние изменения чувствует все живое – автор часто при описании деревенской жизни прибегает к образам животных. Так, летом «Шарик, всеядная собака, шнырял в гороховых зарослях, зубами откусывал и смачно чавкая, уминал сахаристые гороховые плюшки. <...> Теперь Шарика на грязный, заброшенный огород и калачом не заманишь». И далее «среди огорода стоит корова и не то дремлет, не то длинно думает, тужась понять, почему люди так изменчивы в обращении с нею. Совсем еще недавно, стоило ей попасть в огород, они, как врага-чужеземца, гнали ее вон и лупили чем попало по хребту, ныне распахнули ворота – ходи сколько хочешь, питайся»; «куры тоже днем с амбара в огород слетают, ходят по бороздам, лениво клюют и порошат давно выполотую траву, но больше сидят, растопорщившись, с досадою взирают на молодых петушков, которые пыжата, привстают на цыпочки, пробуют голоса, да получается-то у них срамота, но не милая куриному сердцу, атаманская песня задиры петуха».

Центральным образом зачина является образ капусты: «Одна капуста на огороде осталась, развалила по грядкам зеленую свою одежду. В пазухи вилок, меж листьев налило дождя и росы, а капуста уж так опилась, такие вилки закрутила, что больше ей ничего не хочется. В светлых брызгах, в лености и довольстве, не страшась малых заморозков, ждет она своего часа, ради которого люди из двух синеватых листочков рассады выхолили ее, отпоили водою». Элементы олицетворения помогают передать колоритную картину – люди «выхолили» капустные листочки, как лелеют дитя, и теперь овощ, подобно сытому человеку, полон лени и довольства. Обращает на себя внимание обилие лексем, связанных с лексико-семантическими полями «вода», «питьё»: это

существительные «дождь», «роса», «брызги», «вода», глаголы «опилась», «отпоили». Цветопись отрывка сконцентрирована на зеленом цвете, цвете капусты, – и это единственное зеленое пятно на опустевшем огороде.

Отметим также, что В. П. Астафьев, родившийся и выросший на селе, хорошо знает детали крестьянской жизни, например, ведение огорода. Эти конкретные детали отличают и рассказ «Осенние грусти и радости», в котором приводятся названия и характеристики многих огородных растений: «картошка на огородах выкопана, обсушена и ссыпана на еду – в подполье, на семена и продажу – в подвал. Морковь, брюква, свекла тоже вырезаны, даже редьки, тупыми рылами прорывшие обочины гряд, выдернуты, и пегие, дородные их тела покоятся в сумерках подвала поверх всякой другой овощи. Про овощ эту говорят в народе все как-то с насмешкой: "Чем бес не шутит, ныне и редька в торгу! В пост – редьки хвост!"» Фразеологизмы здесь передают мелкие подробности крестьянской жизни.

Обращает на себя внимание также употребление существительного «овощ» в женском роде, которое в одних словарях трактуется как просторечие [13], в других – как разговорный вариант [7], что, на наш взгляд, используется автором как средство стилизации под простую, крестьянскую речь.

Далее природные образы появляются в рассказе, сопровождая этапы заготовки капусты. Так рубка капустных вилок сопряжена с приметой уходящей осени: караванами птиц, которые покидают на зиму сибирские края. И опять, проявляется мотив осенней грусти, уступивший было место рабочему задору во время огородных хлопот: «Последние вилки вырубали уже за полдень и бросали их в предбанник. Бабушка убежала собирать на стол, мужики присели на травянистую завалинку бани отдохнуть и услышали в небе гусиный переклик. Все разом подняли головы и молча проводили глазами ниточку, наискось прошившую небо над Енисеем. Гуси летели высоко над горами, и мне почему-то чудилось, что вижу я их во сне, и, как будто во сне же, все невнятной, все мягче становился отдаляющийся гусиный клик, ниточка тоньшала, пока вовсе не истлела в красной, ветреную погоду предвещавшей заре. <...> От прощального ли клика гусей, оттого ли, что с огорода была убрана последняя овощ, от ранних ли огней, затлевших в окнах близких изб, от коровьего ли мыка, сделалось печально на душе». Лексемы, передающие значение исчезновения, угасания, создают своеобразный образный каркас отрывка: «последние» (вилки), «проводили» (глазами), «отдаляющийся» (гусиный крик), «тоньшала», «истлела» (ниточка гусей), «прощальный» (гусиный крик), «убрана» (последняя овощ). Таким образом, воплощается определенная суггестия, помогающая читателю проникнуть во внутренний мир героев рассказа и почувствовать осеннюю печаль.

Следующий фрагмент, в котором значительную роль получает природный пейзаж, относится к концовке рассказа и сопровождает окончание работ по засолке капусты, наступление зимы. «Зима совершенно незаметно приходила в село под стук сечек, под дружные и протяжные женские песни. Пока женщины и ребятишки переходили из избы в избу, пока рубили капусту, намерзали на Енисее забереги; в огородные борозды крупы и снежку насыпало: на реке густела шуга; у Караульного быка появлялся белый подбой, ниже которого темнела полынья. К этой поре и запоздалые косяки гусей пролетали наши скалистые, непригодные для гнездовий и отсидок места. <...> И однажды ночью неслышно выпадал снег, первый раз давали корове навильник пахучего сена, она припадала к нему, зарываясь до рогов в шуршащую охапку. Шарик катался по снегу, прыгал, гавкал, будто рехнулся. <...> Долгая, стойкая зима-прибериха снегами и морозами заклинивала деревенскую жизнь». Приметы наступившей зимы передаются соответствующими лексемами: «намерзали» (забереги), «крупя» (снежная), «снежок», «шуга» (на реке), «полынья» (в замерзшем Енисее), «снег», «морозы».

В финальном эпизоде своеобразно сходятся две логические линии: человек смиряется с естественным природным циклом и человек побеждает неумолимую холодную стихию трудом и взаимопомощью. Успешно заготовлен хлеб и овощи, значит люди и животные переживут зиму, будут сыты: «Бабушка облегченно бросала крестики на грудь, шептала: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи! Теперь прозимуем». Развязка произведения, связанная с эпизодом дегустации капусты, строится на антитезе, которая была заявлена в самом названии рассказа «Осенние грусти и радости». Естественное чувство осенней грусти, тревога ожидания зимы в финале уступают место спокойствию и радостному чувству хорошо сделанной крестьянской работы.

В композиции рассказа «Далекая и близкая сказка» природные образы также играют важную роль, но получают большее символическое осмысление и сопровождают три сюжетных мотива: историю Васи-поляка, сказочный мотив музыки, а также мотив малой родины главного героя – Виктора Потылицына. Символическое начало обогащается, по мнению исследователей, лирическим звучанием [2; 5; 10; 18].

«Далекая и близкая сказка» также, как и рассказ «Осенние грусти и радости», начинается с пейзажа. Однако это не сезонная зарисовка, а описание сельской окраины. «На задворках нашего села среди травянистой поляны стояло на сваях длинное бревенчатое помещение с подшивом из досок. Оно называлось "мангазина", к которой примыкала также завозня, – сюда крестьяне

нашего села свозили артельный инвентарь и семена, называлось это "общественным фондом"»¹. И далее, когда описание плавно переходит на караулку – место, где живет загадочный Вася-поляк, появляются природные детали: «Поодаль от завозни – караулка. Прижалась она под каменной осыпью, в заветрии и вечной тени. Над караулкой, высоко на увале, росли лиственницы и сосны. Сзади нее выкуривался из камней синим дымком ключ. Он растекался по подножию увала, обозначая себя густой осокой и цветами таволги в летнюю пору, зимой – тихим парком из-под снега и куржаком по наползавшим с увалов кустарникам».

Автор прибегает к лексике рельефа: «увал», «каменная осыпь», к словам лексико-семантического поля «растения»: «лиственницы», «сосны», «осока», «таволга», в коротком отрывке воссоздает сезонные зарисовки места в летнюю пору и зимой. Помимо лаконичных сезонных зарисовок в данном фрагменте задействована антитеза: мощь увала, вековых деревьев, камней противопоставлена уязвимости и незначительности ветхого строения.

Особое место занимает микрообраз ключа, сопряженный с образом дыма («выкуривался», «дымком»), цветовая детализация реализуется за счет прилагательного «синий». Ключ символизирует человеческую жизнь, которая неуверенно и едва заметно присутствует в этом месте.

Важным является здесь и глагол «прижаться» (караулка прижалась под каменной осыпью) – в этом олицетворении прослеживается параллель с жизнью несчастного и праведного Васи-поляка. Караулка, существующая на фоне суровой природы, прижалась под осыпью, где мало света, дуют ветра и Вася, поляк по происхождению, «прижался» и «прижился» в суровой Сибири, в дали от света и тепла свой родной Польши, жизнь его едва теплится. Покалеченная в детстве нога, постепенно наступающая слепота в зрелом возрасте – эти внешние признаки усиливают внутреннюю драму героя и контрастируют с его музыкальным талантом. Благодаря этому таланту главный герой цикла «Последний поклон», Виктор Потылицын, приобщается к музыке, получает катарсис и духовные силы.

Сюжетная линия, связанная с Васей-поляком, заканчивается со смертью последнего, и в этой части рассказа вновь появляется пейзажная зарисовка, наполненная символическим содержанием: «За одно лето сопрела пустая Васина караулка. <...> Ниточка ключа пробила себе новое русло и потекла по тому месту, где стояла избушка. Но и ключ скоро начал хиреть, а в засушливое

---

¹ Мангазина употреблено в значении склад [13]; завозня – строение хозяйственного назначения, чаще всего для складирования и хранения [12].

лето тридцать третьего года вовсе иссох. И сразу начали вянуть черемухи, выродился хмель, унялась и разнотравная дурнина. <...> Ушел человек, и жизнь в этом месте остановилась». Отметим, что глаголы «сопреть», «хиреть», «иссохнуть», «вянуть», «выродиться», «уняться», «уйти» и «остановиться», объединенные семантикой прекращения действия, процесса, состояния, составляют семантическую основу данного фрагмента и, с точки зрения стилистики, реализуют восходящую градацию, усиливая образ угасания. Смерть, уход из материального мира становится началом преобразования в мире духовном. Вася-поляк в сознании и памяти односельчан преобразуется в праведника: «Непонятная виноватость одолела людей, и не было уж такого дома, такой семьи в селе, где бы не помянули его добрым словом в родительский день и в другие тихие праздники, и оказалось, что в незаметной жизни был Вася-поляк вроде праведника и помогал людям смиренностью, почтительностью быть лучше, добрей друг к другу».

Духовная жизнь Васи-поляка скрыта от читателя и проявляется лишь через эпизоды, связанные с музыкой. Примечательно, что первый эпизод сопровождается пейзажной зарисовкой ночной природы, села, звездного неба: «На селе засветились окна. К Енисею потянулись дымки из труб. <...> В небо, рядом с той звездой, что все еще одиноко светилась над Караульной речкой, кто-то зашвырнул огрызок луны, и она, словно обкусанная половина яблока, никуда не катилась, бескорая, сиротская, зябко стекленела, и от нее стекленело все вокруг. <...> Но из-под увала, из сплетений хмеля и черемух, из глубокого нутра земли возникла музыка и пригвоздила меня к стене». Так в ткани произведения впервые переплетаются образ музыки и образ света, а далее огня, которые в дальнейшем будут сопровождать друг друга, как, например, в следующем отрывке: «Один я, один, кругом жуть такая, и еще музыка - скрипка. <...> В небе ударят громы, сверкнут молнии, от них вспыхнут таинственные цветы папоротника. От цветов зажжется лес, зажжется земля, и не залить уже будет этот огонь даже Енисеем – ничем не остановить страшную такую бурю! <...> Но скрипка сама все потушила».

Образ природы в завязке рассказа, помимо развития линии Васи-поляка, служит прологом к раскрытию сказочной темы. Сказочная метафора задается уже в заглавии рассказа, что является продолжением традиций русской классической литературы, в которой часто начальная фраза задает тон всей вещи [11]).

В идейном аспекте важно отметить символическую реализацию лексемы «сказка». В лексикографии фиксируются такие значения слова, как «произве-

дение устного народного творчества с участием волшебных сил»; «литературное произведение того же характера»; «вымысел, ложь»; «чудо» (оценочное); «нечто заманчивое, фантастическое» (оценочное) [7; 12].

Реализация сказочной метафоры проявляется в сравнении васиной караулки со сказочной головой: «Крыши у караулки не было. Хмель запеленал ее так, что напоминала она одноглазую косматую голову». Данное сравнение носит аллюзивный характер, отсылая читателя к образу Головы из поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина: «...Вдали чернеет холм огромный, И что-то страшное храпит. Он ближе к холму, ближе – слышит: Чудесный холм как будто дышит» и далее «И, сморщась, голова зевнула, Глаза открыла и чихнула... Поднялся вихорь, степь дрогнула, Взвилася пыль; с ресниц, с усов, С бровей слетела стая сов»¹ и к более раннему по времени возникновению образу из «Повести о Еруслане Лазоревиче».

У Астафьева сказочная головка-караулка не оживает, с ее бровей не слетают птицы, но аналогия поддерживается за счет вполне реалистичных подробностей: «Из хмеля торчало трубой опрокинутое ведро, дверь открывалась сразу же на улицу и стряхивала капли дождя, шишки хмеля, ягоды черемухи, снег и сосульки в зависимости от времени года и погоды».

Усилению сказочного мотива способствует упоминание элемента народных сказок – избушки на курьих ножках. Пейзаж, связанный с избушкой поддерживает атмосферу таинственности: «Жил в караулке Вася-поляк. <...> Такому таинственному человеку вроде и полагалось жить в избушке на курьих ножках, в морхлом месте, под увалом, и чтобы огонек в ней едва теплился, и чтобы над трубою ночами по-пьяному хохотал филин...». Избушка на курьих ножках, жилище Бабы-яги, обычно располагается на опушке или в чаще дремучего леса, на границе двух миров: реального и потустороннего.

Интересна этимология и значение прилагательного «морхлый», вышедшего в современном русском языке из активного употребления. В словарном определении данное прилагательное толкуется как «больной, гнилой, испорченный» и имеет помету «местное»². Диалектологические источники фиксируют сочетаемость слова с существительными фрукты и овощи [4, с. 153], а при сочетании с существительным «место» реализуется значение «неприятное», «мрачное». В рассказе семантика слова дополняется экспрессией, связанной еще и со значением, которое отражается в словаре В.И. Даля: «морх» –

---

¹ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Культура.РФ. Электронный ресурс. URL: <https://www.culture.ru/poems/5061/ruslan-i-lyudmila-poema> (дата обращения: 17.12.2021).

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar.cc/rus/tolk/52623.html> (дата обращения: 17.12.2021).

висячие пучки нитей, либо непричесанных волос, косм, либо клочья, отрепья [6]. Корень «морх» появился в результате метатезы от «мохор» с однокоренными «мохна», «мохнатый» [14; 16]. Таким образом, в рассказе морхлое место одновременно мрачное, неприятное и заросшее травой, кустарником. Исследователи отмечают амбивалентность природных образов у Астафьева [8], что выражается и в двуплановой реализации рассмотренной лексемы.

Магистральная идея произведения – детское восприятие музыки как чуда и сказки дополняется не менее важным мотивом – осознанием своего места в мире, своей малой, а позже и большой Родины. Пейзажная зарисовка при этом играет ключевую роль – символом малой родины выступает уголок далекой Сибири, родное село¹, река Енисей: «Не знаю, сколько я просидел на крутом яру по-над Енисеем. Он шумел у займища, на каменных бычках. <...> Неспokoйная наша река. <...> Но эта ее неспокойность, это ее древнее буйство не возбуждали, а успокаивали меня. <...> Оттого, наверно, что во мне звучала Васина музыка о неистребимой любви к родине. А Енисей, не спящий даже ночью, крутолобый бык на той стороне, пилка еловых вершин над дальним перевалом, молчаливое село за моей спиной, кузнечик, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде бы один он во всем мире, трава, как бы отлитая из металла, – это и была моя родина, близкая и тревожная».

В данной пейзажной зарисовке особенно интересна детализация, создаваемая за счет олицетворений, метафор, сравнения: Енисей не спит, бык (как элемент берегового рельефа) крутолобый, пилка еловых вершин, село молчаливое, кузнечик работает, трава, как бы отлитая из металла.

Итак, анализ природных образов в рассмотренных рассказах позволил выявить две важные черты авторского идеостилия: использование пейзажных элементов в отображении конкретного географического пространства и символическое обобщение природных деталей, связанное с воплощением идейной стороны произведения.

Список литературы

1. Астафьев В. Последний поклон. Повесть: в 2 т. Т. 1. Красноярск, 1994.
2. Бальбуров Э. А. Жизненный материал и художественное отражение в повествовании В. Астафьева "Царь-рыба" // Тенденции развития русской литературы Сибири в 18–20 вв. Новосибирск, 1985. С. 119–125.
3. Виктор Петрович Астафьев: рекомендательный библиографический указатель / сост. Н. В. Севрунова, С. В. Шулипина; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск: РИО КГПУ, 2009. 29 с.

---

¹ Имеется в виду село Овсянка, родина В.П. Астафьева, одно из старейших сел Сибири [15].

4. Герд А. С. К истории образования говоров поволховья и южного Приладожья // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 5. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 146–172.
5. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х годов / П. А. Гончаров. – М.: Высш. шк., 2003. 385 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И-О. 3-е изд. СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа, 1881. 814 с.
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1: А-Л. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. 1168 с.
8. Нагаева (Смирнова) А. И. Человек и природа в творчестве В. Астафьева // О традициях и новаторстве в литературе. Уфа, 1980. С. 34–40.
9. Ростовцев Ю. Виктор Астафьев / Юрий Ростовцев. М.: Молодая гвардия, 2-е изд. 305 с.
10. Слобожанинова Л. М. Повествование от первого лица в повести В. Астафьева «Последний поклон» // Проблемы стиля и жанра в советской литературе. Сб. 5. М., 1974. С. 113–132.
11. Смирнова А. И. Астафьеведение сегодня: актуальные проблемы изучения // Вестник ВолГУ. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2010. № 9. С. 136–145.
12. Термины российского архитектурного наследия: Словарь-гlossарий / В. И. Плужников. М.: Искусство, 1995. 160 с.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: Л-ояловеть / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939. 521 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е-Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
15. Федоров И. Г. Из истории Овсянки (по архивным материалам ГАКК Минусинского краеведческого музея и МГГА). [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru> (дата обращения: 21.02.2021).
16. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М.: Прозерпина: Школа, 1994. 400 с.
17. Ян Чжэн «Последний поклон» В. П. Астафьева: история создания. Жанр // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 155–162.
18. Яновский Н. Н. Виктор Астафьев: очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1982. 272 с.

References

1. Astaf'ev, V. *Poslednij poklon. Povest'*: v 2 t. [Last bow. Story: In 2 volumes]. Т. 1. Krasnoyarsk, 1994.
2. Bal'burov, E. A. *ZHiznennyj material i hudozhestvennoe otrazhenie v povestvovanii V. Astaf'eva "Car'-ryba"* [Life material and artistic reflection in V. Astafiev's story "Tsar-fish"] // *Tendencii razvitiya russkoj literatury Sibiri v 18–20 vv.* [Trends in the development of Russian literature in Siberia in the 18–20 centuries]. Novosibirsk, 1985. S. 119–125.
3. *Viktor Petrovich Astaf'ev: rekomendatel'nyj bibliograficheskij ukazatel'* [Viktor Petrovich Astafiev: recommended bibliographic index] / sost. N. V. Sevrunova, S. V. SHulipina; Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2009. 29 s.
4. Gerd, A. S. K istorii obrazovaniya govorov povolhov'ya i yuzhnogo Priladozh'ya [To the history of the formation of dialects of the Volkhov and southern Ladoga areas] // *Severnorrusskie*

govory. *Mezhvuzovskij sbornik*. Vyp. 5. [Severnorusskie dialects. Interuniversity collection. Issue 5]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. S. 146–172.

5. Goncharov, P. A. *Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste russkoj prozy 1950–1990-h godov* [The creativity of V.P. Astafieva in the context of Russian prose 1950–1990s]. M.: Vyssh. shk., 2003. 385 s.

6. Dal', V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 2: I-O*. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. Vol. 2: I-O]. 3-e izd. SPb.-M.: Tip. M.O. Vol'fa, 1881. 814 s.

7. Efremova, T. F. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 3 t. T. 1: A-L*. [Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 volumes. T 1: A-L]. M.: AST, Astrel', Harvest, Lingua, 2005. 1168 c.

8. Nagaeva (Smirnova), A. I. *CHelovek i priroda v tvorchestve V. Astaf'eva* [Man and nature in the work of V. Astafiev] // *O tradiciyah i novatorstve v literature*. [On traditions and innovation in literature]. Ufa, 1980. S. 34–40.

9. Rostovcev, YU. *Viktor Astaf'ev* [Viktor Astafyev] / YUrij Rostovcev. M.: Molodaya gvardiya, 2-e izd. 305 s.

10. Slobozhaninova, L. M. *Povestvovanie ot pervogo lica v povesti V. Astaf'eva «Poslednij poklon»* [Narration in the first person in V. Astafiev's story "The Last Bow"] // *Problemy stilya i zhanra v sovetskoj literature. Sb. 5*. [Problems of Style and Genre in Soviet Literature. Sat 5.]. M., 1974. S. 113–132.

11. Smirnova, A. I. *Astaf'evdenie segodnya: aktual'nye problemy izucheniya* [Astafievelogy today: topical problems of study] // *Vestnik VolGU. Seriya 8: Literaturovedenie. ZHurnalistsika* [Bulletin of VolSU. Series 8: Literary criticism. Journalism]. 2010. № 9. S. 136–145.

12. *Terminy rossijskogo arhitekturnogo naslediya: Slovar'-glossarij* [Terms of the Russian architectural heritage: Dictionary-glossary] / V. I. Pluzhnikov. Moskva: Iskusstvo, 1995. 160 s.

13. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 2: L-oyalovet'* [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Vol. 2: L-oyalovet'] / pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1939. 521 s.

14. Fasmer, M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 2 (E-Muzh)* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Vol. 2 (E-Husband)] / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. 2-e izd., ster. M.: Progress, 1986. 672 s.

15. Fedorov, I. G. *Iz istorii Ovsyanki (po arhivnym materialam GAKK Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya i MGGA)*. [From the history of Oatmeal (based on archival materials of the GACC of the Minusinsk Museum of Local Lore and the Moscow State State University)] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://textarchive.ru> (data obrashcheniya: 21.02.2021).

16. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] / N. M. SHanskij, T. A. Bobrova. M.: Prozerpina: SHkola, 1994. 400 s.

17. YAn CHzhen «*Poslednij poklon*» V. P. Astaf'eva: *istoriya sozdaniya. ZHanr* ["The last bow" VP Astafiev: the history of creation. Genre] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology]. 2011. № 4. S. 155–162.

18. YAnovskij, N. N. *Viktor Astaf'ev: ocherk tvorchestva* [Victor Astafiev: Essay on creativity] / N. N. YAnovskij. M.: Sov. pisatel', 1982. 272 s.